

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'1:801.7

DOI: 10.26456/vtfilol/2023.3.083

ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ «ЗНАЧЕНИЕ» И «СМЫСЛ». К УЧЕБНОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В. В. Волков, Н. В. Волкова, И. В. Гладиллина

Тверской государственный университет, г. Тверь

В статье представлены результаты моделирования процессов герменевтического осмысления терминов и понятий «значение» и «смысл» в учебной работе со студентами-филологами. Когнитивные инструменты герменевтической интерпретации данных понятий – семантически смежные пары «язык – речь», «коммуникация – общение» и др. Авторы центрируют внимание на семантической изоморфности понятий «значение» и «смысл» с другими бинарными лингвистическими феноменами, рассматривают внутреннюю морфемную и словообразовательную форму ключевых терминов.

Ключевые слова: учебное терминоведение, семантика, внутренняя форма слова, когнитивная лингвистика, филологическая герменевтика.

Введение

Понятия и соотносительные термины *значение* и *смысл* входят в число так называемых «первичных», которые не поддаются строгому определению, могут быть лишь описательно охарактеризованы, – так же как «сознание», «жизнь», «ум», «слово», «душа» и т. п. Поэтому вполне понятно, почему в фундаментальной работе В. А. Звегинцева «Семасиология» (1957), инициировавшей исследования по теоретической семантике в нашей стране, наличествует обширный обзор литературы вопроса, однако определение понятия «значение» отсутствует, хотя само название работы *семасиология* однозначно прочитывается именно как «учение о значении» [12]. В своем ныне хрестоматийном труде «Теоретическая и прикладная лингвистика» (1968) В. А. Звегинцев констатировал: «...не достигнуто даже самого общего согласия относительно того, что же собой представляет лексическое значение <...> и какова вообще его лингвистическая природа» [13, с. 112].

За последующие десятилетия ситуация не изменилась: в научных работах понятиями «значение» и «смысл» оперируют как интуитивно очевидными (попытки эксплицировать их содержание единичны [14]), а в вузовских учебниках и пособиях (Ю. С. Маслов, Л. А. Новиков,

© Волков В. В., Волкова Н. В., Гладиллина И. В., 2023

Д. Н. Шмелев и мн. др.) подробно рассматривают вопросы типа «Из чего складывается (лексическое, словообразовательное, грамматическое...) значение», «Какие (контекстуальные, ассоциативные...) смыслы соотносятся с...», а общие толкования понятия «значение» предельно лаконичны, например: «...значение – это лишь один из типов языковой информации, хотя и наиболее важный» [6, с. 15]; значения – это «идеальные конструкции, в которых представлены формы *обобщений* совокупного общественного опыта» [15, с. 251]. Отсюда целесообразность специального рассмотрения семантики термина *значение* и смежного с ним *смысл*.

Как мы показали ранее, центральная проблема освоения студентами-филологами лингвистической терминологии – это **проблема осознанности** сначала *процесса* овладения понятийно-терминологическим аппаратом [8; 9], а затем – *осознания осознанного* – как *результата*. Герменевтический инструмент решения этой проблемы (цели осмысления) становится цепью конкретных учебных задач через «*всматривание* в структуру и содержание ключевых лингвистических терминов» [10, с. 101], то есть через технологии учебной герменевтики, фундирующиеся различными видами лингвистического анализа, прежде всего лексико-семантического и морфемно-словообразовательного [7].

Существо учебной герменевтики как живого лингводидактического процесса – в осознающем движении от отдельного / отдельных терминов и номинируемых ими понятий – к *всматриванию* в системные отношения между ними и к *усмотрению* этих отношений. Исходная герменевтическая трудность на этом пути: в понятийно-терминологической *системе* – всё *системно*, то есть все элементы взаимосвязанны, упорядоченны, определяются друг через друга. Понять что-то одно можно лишь в рамках целого, осмысляя целое как единство составляющих его частей. Понимаешь целое – значит понимаешь отдельные части. И наоборот.

Жанр данной статьи – опыт учебно-герменевтического прочтения одной из понятийно-терминологических микросистем (понятийно-терминологических связок) русского теоретического языкознания. Компоненты рассматриваемой понятийно-терминологической микросистемы и их ключевые парадигматические взаимосвязи как предмет учебного (лингво)герменевтического анализа: значение – феномен *языка*, смысл – явление *речи*. *Значения* – у *слов*, *смыслы* – у *словоупотреблений*. В фундаменте анализа – названные компоненты, осмысляемые как элементы цельных морфемно-словообразовательных гнезд с инициальными непроизводными лексемами *знать* и *мысль*: *знать* – *знание*; *знак*, *значить*, *значение*; *мысль* – *мыслить*, *смыслить*, *смысл*.

Значения vs смыслы ↔ язык vs речь

Исходное утверждение: *значения* – феномен *языка*, *смыслы* – явление *речи*. Иначе: *значения* – у *слов* как единиц языка, *смыслы* – у кон-

кретных *словоупотреблений* как явлений речи. Соотношение «значения – смыслы» изоморфно соотношению «язык – речь», эти пары понятий рассматриваются в единстве.

Поясним авторитетной цитатой. А. Ф. Лосев (1893–1988), используя как квазисинонимы понятия «слово» и «язык», а понятие «речь» ассоциируя с подразумеваемым «словоупотребление», афористически противопоставлял «речь» и «слова»: «В речи заложено многое, чего нет в словах. В какой степени? Для того, чтобы это сказать, нужен контекст. А контекст бесконечен» [4, с. 57]. Понимаем так: «многое» в *речи* – это ситуативно и контекстно обусловленные *смыслы*, а «слова» – это обобщения в *языке* частных смыслов, семантическое интегрирование (конкретных речевых) *смыслов* – в (обобщенных языковых) значениях.

Отсюда формально противоположные, но в сущности диалектически единые в своей взаимообратимости дальнейшие соображения.

1. Значения (языковые) *извлекаются* (*кем? как?*) из смыслов – речевых, ситуативно и контекстно зависимых частных семантических феноменов; значения выступают как *обобщения* смыслов – конкретных употреблений, подобно тому как язык *извлекается* из речи, выступает как *обобщение* на множестве частных речевых действий / актов / событий.

2. Смыслы *рождаются* в речи – как эмотивно-когнитивно-коммуникативные реакции на обстоятельства её (речи) возникновения, а формирующиеся на основе (речевых) смыслов значения *фундируют* язык (*фундируют* – то есть составляют *фундамент*, основание языка); затем в обратном порядке: (языковые) значения, будучи погруженными в стихию речи (в конкретные речевые ситуации и контексты), – (по)рождают / каузируют ситуативно и контекстно зависимые смыслы.

В хрестоматийных разъяснениях А. В. Бондарко (1930–2016): «Значение той или иной единицы представляет собой элемент языковой системы, тогда как конкретный смысл – это явление речи, имеющее ситуативную обусловленность»; «Во взаимосвязи значения и смысла существенны отношения средства и цели: языковые значения служат средством (точнее, одним из средств) для выражения смысла в том или ином конкретном высказывании» [5, с. 50–51].

Далее понятия «значение» и «смысл» обобщаются в термине *семантика*, способ опредмечивания семантики (= наглядной презентации значений и смыслов, *план выражения*) фиксируется в термине *знак* (план выражения + план содержания).

Поскольку термины *значение* и *знак* равно входят в словообразовательное гнездо с инициальным глаголом *знать*, но, если следовать строгой логике словообразования, находятся в нем на последовательных ступенях словопроизводства в пределах одной цепочки (*знать* → *знак* →

значить → *значение*), возникает лингводидактическая дилемма: в каком порядке рассматривать термины *значение* и *знак*? Формально: сначала *знак*, потом – *значение*. По сути: поскольку *знак* – носитель *значения*, то дидактически должно бы быть так: сначала *значение*, потом – *знак*. Представляется разумным выйти за пределы этой дилеммы и опереться на пару *знать* → *знание*.

Существительные *знание* и *знак* находятся в отношении кодеривации, то есть равнопроизводности по отношению к общему для них мотивирующему глаголу *знать*.

Сущ. *знание* – общеупотребительная лексема, в формальном отношении – имя действия (как *двигать(ся)* → *движение* ‘действие по мотивирующему глаголу’), то есть сущ. *знание* – изначально синтаксический (транспозитивный) дериват, однако в дальнейшем прочтении, в семантико-словообразовательном отношении, *знание* – лексический дериват с метонимическим результативным значением (параметр переноса «действие → результат действия»), носитель предельно общего значения «сведения / совокупность сведений».

В этом предельно общем значении сущ. *знание* может рассматриваться как квазисиноним детерминологизированного сущ. *семантика*, а следовательно, *знание* может использоваться в целях учебного синонимизирующего толкования: *семантика* (*значение / значения / смыслы*) ≈ «*знание*, аккумулярованное / выражаемое единицами естественного языка и другими семиотическими средствами». Отсюда результирующее прочтение словообразовательных пар *знать* → *знание*, *знать* → *знак*: *знак* – «материальный носитель *знания*, семантики».

Понятие «знак» целесообразно трактовать двояким образом: сначала в общем семиотическом прочтении, где *знак* – «наблюдаемый предмет, отсылающий к чему-либо другому, недоступному непосредственному наблюдению» [11, с. 244], далее в суженном собственно лингвистическом: «показатель, выразитель данного языкового значения» [2, с. 158], что позволяет добиться более ясного понимания, что *знак* – именно двусторонняя единица, что знаковые отношения неразрывно связаны со всеми сторонами человеческого существования, что коммуникация является вербальной и невербальной.

Знаки языка, то есть выразители именно *языковых значений*, в ображениях дидактического удобства можно именовать *словами* – оговаривая, что, говоря «слова», имеем в виду любые семантически нагруженные языковые единицы: *морфемы*, *лексемы* (в лексическом и грамматическом смысле), *словосочетания*, *предложения* и даже *целые тексты*.

Знаки речи – тоже «слова», но в конкретном употреблении, носители не значений, а *смыслов*, и не собственно «слова», а *словоупотребления*; в расширительном прочтении: «слова» – собственно лексемы и

любые единицы языка в конкретном речевом употреблении, в том числе, например, морфы в составе окказиональных образований или тексты в индивидуальном восприятии того или иного читателя.

Изоморфность парных феноменов «язык – речь» и «значения – смыслы» далее может раскрываться через рассмотрение системы оппозитивных атрибутов, которые равноприложимы к каждому из этих изоморфных феноменов, в частности:

- социальное – индивидуальное;
- обязательное (нормативное) – произвольное (вариативное);
- абстрактное (общее) – конкретное (частное);
- воспроизводимое (словарное) – производимое (речевое);
- потенциальное (система) – актуальное (реализация);
- конечное (закрытое) – бесконечное (открытое);
- статичное (устойчивое во времени) – динамичное (ситуативное);
- нелинейное (парадигматическое) – линейное (синтагматическое);
- инвариантное – вариативное;
- нереферентное – референциальное; и др.

Способ прочтения набора атрибутов как средства интерпретации различий между понятиями «знаки языка» и «знаки речи»: *знаки языка* и, соответственно, *языковые значения* – социальные (достояние общества), обязательно оформляются / выражаются в нормативном (социально общепризнанном) виде и т. д.; *знаки речи* и, соответственно, *речевые смыслы*, в отличие от знаков языка и *языковых значений*, – индивидуальные (достояние индивида), оформляются / выражаются в относительно произвольном виде (ср., например, особенности произношения отдельных слов и фраз разными людьми в разных ситуациях) и т. д.

Значения vs смыслы ↔ коммуникация vs общение

Поскольку соотношение «значения – смыслы» в ключевых моментах изоморфно соотношению «коммуникация – общение», эти пары языковых / речевых феноменов рассматриваются в единстве. Существо различия между коммуникацией и общением в контексте данной работы целесообразно усматривать в том, что (1) коммуникация – это «инструментально-информационное обслуживание повседневной жизнедеятельности людей», «необходимый инструмент функционирования социума и индивида», и человек вступает в нее «частично, ущербно, как агент определенной роли, функции» [1, с. 321], тогда как (2) общение «есть взаимодействие между людьми, субъект-субъектное отношение», конститутивные признаки которого – «бытийность, нравственная интенция, целостность, самооснованность, диалогичность в личностно-мыслитель-

ном измерении» [Там же, с. 320, 324]. Отсюда следует, что значения преимущественно социальны (средства существования и функционирования социума), смыслы преимущественно индивидуально-личностны (проявления уникальной бытийности отдельных личностных «я»).

Исходное утверждение: устойчивые языковые *значения* – семантический фундамент *коммуникации*, требующей максимальной ясности и однозначности, конситуативно зависимые *смыслы* – основание *общения*, тяготеющего к семантическим полутонам. Далее: 1) социально обусловленные *значения* – в *коммуникации*, где говорящий выступает в определенной социально-ролевой позиции; 2) личностно маркированные *смыслы* – в *общении*, где собеседник – человек в своем индивидуальном (личностном) «я».

Поясним чем-то вроде концептуальной метафоры. Значения и смыслы радикально различаются по, условно говоря, «месту своего пребывания»: если (1) значение как бы «сидит в здании» языка и соотносительного с ним коллективного языкового сознания (языкового бессознательного), то (2) смысл(ы) как бы «вышли пройтись» – из здания языка в просторы межличностных и межгрупповых пространств. Это сравнение корреспондирует с названными выше парными атрибутами «статика – динамика», «социальное – индивидуальное» и т. д., соотносящимися соответственно с языком и речью.

Варианты пояснения различий по ключевым семантическим параметрам интерпретации:

- «“Где находятся” значения / смыслы?» (локативный параметр): значения «неподвижны», как словари на книжной полке, смыслы – в постоянном движении, как изображения и слова на телеэкране;
- «“Кто носитель” значений / смыслов?» (субъектный параметр): значения общепонятны и схватываются сразу, поскольку «езде и у всех» одинаковы, а смыслы – личностно-прихотливы, нуждаются в специальных усилиях извлечения, поскольку «в каждой деревушке свои посидушки».

Можно добавлять условно «локативно-субъектные» атрибуты *значений / смыслов* и далее, с учетом их условности: «(вне-/над-)историческое – “сиюминутно-актуальное”», «общее – моё (личное)», «для всех / других – для меня / нас» и проч.

Как называть / назвать / называют пространство бытования именно смыслов – в их относительной автономности от значений?

Во-первых, различие пространств бытования значений vs смыслов легко прочитывается уже в самой внутренней форме терминов:

- *значения* – в пространстве знаков (языка), значения фундируются *зн-ак-ами* как (словарными) носителями *зн-а-ний > зн-ач-ени-й*;

- *смыслы* – в пространстве *мысли*, фундируются прихотливым течением индивидуальных процессов *мышл-ени-я* как восприятия – понимания – интерпретации / *о-с-мысл-ени-я* всего, с чем человек имеет дело.

Во-вторых, для именованя разных пространств бытования значений / смыслов есть два синонимичных (то есть общих по семантическому ядру, но различающихся в семантических деталях) термина: *общение* и *коммуникация*.

В этом синонимическом ряду налицо и другие термины, несколько неуклюжие, но с полезной семантической акцентуацией:

- *коммуницирование* – с акцентировкой процессуальности как длящегося во времени протекания действия / действий / процесса / процессов, от глагола несов. вида *коммуницировать*;
- *интеракция* – по лат. *actus* ‘движение, стремление, действие’, акцентировка деятельностного характера коммуникации, а по приставке *интер-* (лат. *inter...* ‘между, посреди > внутри > взаимо...’), «взаимодейственного» характера коммуникации; дальнейшие синонимические аналоги: *социальное / речевое – взаимодействие / интеракция*.

В общем случае, в семантическом пределе *общение* и *коммуникация* равно трактуются как речевое взаимодействие между людьми и их группами / сообществами; основание их разграничения – по параметру «общее – частное», и тогда *общение* (частное) – это «межличностное взаимодействие людей», а *коммуникация* (общее) – это «процесс взаимодействия и способы общения, позволяющие создавать, передавать и принимать разнообразную информацию. Между людьми коммуникация осуществляется в форме общения» [16, с. 414, 269].

Некое значимое различие между общением и коммуникацией интуитивно очевидно из различий их сочетаемостных возможностей – лексико-синтаксических и морфемно-словообразовательных, например:

- есть лексически тождественные транспозитивные словообразовательные пары *коммуникация – коммуникативный / коммуникативность*, но лексически тождественные мутационные пары *общение – общительный / общительность*;
- налицо терминологические словосочетания *коммуникативные признаки / категории*, но проблематично использование понятия «категории общения» и тем более **признаки общения*;
- вполне понятны словосочетания *коммуникативное / вербальное пространство*, – но не весьма внятно «пространство общения», а **общительное пространство* и вовсе несуразно.

Примеры аналогичных различий легко умножить: мы *общаемся*, но едва ли «коммуницируем»; можем назвать человека *общительным* /

коммуникабельным, но никак не «коммуникативным», хотя свободно пользуемся (практически как абсолютными синонимами) словосочетаниями *коммуникативные навыки / навыки общения*; и т. д.

Причина различного сочетаемого поведения лексем *коммуникация, общение* и словообразовательно смежных с ними – в различии базовых ассоциативных связей (1) *коммуникации* – со значениями и языком как явлением социальным и статичным, (2) *общения* – со смыслами и речью как явлением индивидуальным и динамичным.

В формулировках, артикулирующих это положение заострённо:

1. Люди *общаются* не значениями, а смыслами.
2. Люди «*коммуницируют*» – значениями.

Пожалуй, бесполезно обратить внимание, что термины *коммуницировать / коммуницирование* – в отличие от привычного *коммуникация*, оставляют ощущение некоей деланности, искусственности, претенциозности.

Почему? Возможно, «коммуницирование» ассоциируется с представлением о празднословии, которое, говоря «филологически», – обмен словесными оболочками, десемантизованными фонетическими / графическими экспонентами – пустыми наборами звуков / букв, за которыми якобы стоят некие «значения», но которые (экспоненты) на деле часто лишены живых *смыслов – обес-смысл-енны*, «симулякривозаны».

Если основываться на обычных лингвосемиотических представлениях о трехчастной семантической структуре слова как знака естественного языка: предметная (денотативно-референциальная) отнесенность, понятийное (сигнификативное) содержание, ценностно-эмоциональная (коннотативная) нагрузка, – то когнитивное развитие «от значений к смыслам», как условие, обеспечивающее возможность существования *значений* как *о-смысл-енн-ых* явлений может быть представлено в следующих формулировках:

- от (обобщенной) денотативной – к конкретно-наглядной референциальной (конкретно-фактической) предметной отнесенности;
- от (относительно строгого) понятийного содержания – к диффузному личностному семантическому представлению;
- от стандартизованных – к конситуативно обусловленным прагматическим компонентам.

В суммарной формулировке: интенциональность значений в коммуникации – ориентирована на поддержание существования, интенциональность смыслов в общении – на реализацию возможности лично(стно)го бытия.

В более категоричной формулировке связь бытия и общения – в рукописи М. М. Бахтина под названием «1961 год. Заметки» (разрядка да-

лее – М.М. Бахтина): «Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть г л у б о ч а й ш е е о б щ е н и е. Б ы т ь – значит о б щ а т ь с я. <...> Быть – значит быть для другого и через него – для себя» [3, с. 344].

Заключение

По Антуану де Сент-Эзюпери, «единственная настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения». Подчеркнём: именно общения, и никак не заменить в этом афоризме *общение* на *коммуникацию*. Развивая это соображение, можно сказать: в отличие от общения, коммуникация – не «роскошь», а необходимость; не праздник, а будни; не выход за пределы известного и (обще)понятного, а вариации на знакомые темы.

Почему можно равно говорить: *деловая / научная коммуникация* и *деловое / научное общение*, – но едва ли приемлемы словосочетания **художественная коммуникация / *художественное общение*? Почему общепринято терминологическое словосочетание *художественная речь* – именно о *речи*, но применительно к *языку* художественных произведений говорим не **художественный язык*, а только *язык художественной литературы*?

Вероятно, ключ к ответам на такие вопросы в том, что в основе коммуникации / языка – статичные, привычные, хорошо знакомые всем значения, а в общении / речи главное – динамичные, неожиданные, лично окрашенные смыслы.

Смыслы рождаются из многообразия связей человека с вещами – «видимыми и невидимыми». Значения опосредуют эти взаимодействия, и вместе с ними значения – (перво)толчок к рождению смыслов, как язык – (перво)толчок к рождению / становлению / развитию (индивидуального и коллективного) знания и сознания.

Когнитивная / креативная функция языка – одновременно и в воспроизводстве наличных, и в производстве новых смыслов, которые в дальнейшем, обретая устойчивость, могут обрести статус значений. «(Лингво)когнитивная спираль» рас/за-кручивается в двух направлениях: вместе она *вос-ходящая*, от смыслов к значениям, и *нис-ходящая*, от значений к смыслам.

Список литературы

1. Агальцев А.М. Общение и коммуникация // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. № 4. С. 319–325
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
3. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Москва: Русские словари, 1997. 732 с.

4. Биbihин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2022. 480 с.
5. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Ленинград: Наука, 1978. 176 с.
6. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. Москва: Высшая школа, 1981. 184 с.
7. Волков В.В. Аспекты изучения русского словообразования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2004. № 1. С. 84–88.
8. Волков В.В. «Введение в языкознание». К герменевтике названия учебного курса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 3(70). С. 95–103. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.3.095.
9. Волков В.В., Волкова Н.В., Гладилина И. В. Функциональная грамотность и лингводидактика: к герменевтике термина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 1(72). С. 67–77. DOI: 10.26456/vtfilol/2022.1.067.
10. Волков В.В., Гладилина И.В., Скаковская Л.Н. Фонема, лексема и другие. К учебной герменевтике лингвистических терминов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 3(74). С. 101–112. DOI: 10.26456/vtfilol/2022.3.101.
11. Гутнер Г.Б. Знак // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Москва: Канон+; Реабилитация, 2009. С. 244–246.
12. Звегинцев В.А. Семасиология. Москва: Изд-во Московского университета, 1957. 322 с.
13. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. Москва: Просвещение, 1968. 336 с.
14. Мирошникова З.А. Лексическое значение и смысл // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 4. № 3 (61). С. 135–140.
15. Петренко В.Ф. Значение // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Москва: Канон+; Реабилитация, 2009. С. 251–252.
16. Шарков Ф.И. Коммуникология: Энциклопедический словарь-справочник. Москва: Дашков и Ко, 2009. 768 с.

THE TERMS AND CONCEPTS OF “MEANING” AND “SENSE”. TO THE DIDACTICAL HERMENEUTICS OF THE LINGUISTIC TERMS

V. V. Volkov, N. V. Volkova, I. V. Gladilina

Tver State University, Tver

The article represents the results of modeling the semantic processes taking place during hermeneutic comprehension of terms and concepts of “meaning” and “sense” in academic work with students of philology. Cognitive basis of

hermeneutical interpretation of these concepts are semantically related pairs “language – speech”, “communication – interaction”, and others. The author focuses on the semantic isomorphism of the concepts “meaning” and “sense” with other binary linguistic phenomena, consider the internal morphemic and word-formative form of key terms.

Ключевые слова: *didactical terminology science, semantics, inner form of a word, cognitive linguistics, philological hermeneutics.*

Об авторах:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Volkov.VV@tversu.ru.

ВОЛКОВА Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Volkova.NV@tversu.ru.

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Gladilina.IV@tversu.ru.

About the authors:

VOLKOV Valery Vyacheslavovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Volkov.VV@tversu.ru.

VOLKOVA Natalya Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Volkova.NV@tversu.ru.

GLADILINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: Gladilina.IV@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.07.2023 г.

Дата подписания в печать: 28.08.2023 г.